

ОТСВЕТЫ СЕВАСТОПОЛЮ

Пою восходящему солнцу
Не в дальних восточных пределах,
Не в долах *пустынь измождённых*,
Не в дивном безмолвии льда...
Беззвучная песня прольётся
На сонмища осиротелых
На стогнах безвидных, пленённых.
Светило восходит – сюда.

Восходит, желанное долго.
Тоской изувеченным – счастье.
Во тьме истомившимся – диво.
Восстание дремлющих воль.
На храме, взлетевшем высоко
Незримые блики лучатся,
Окрест изливаясь красиво, -
Пресветлые слава и боль.

У БАРЕЛЬЕФА АННЫ НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА

Ищущим Истины в веке Серебряном
Помнить бы блики рубиновых капель
Крови, спекавшейся царственно, медленно,
Боли, которой не тронешь руками.

В тонких узорах поэзии искренней
Пути плутали дороги кремнистой,
Слишком окольные, вязью таинственной
Препровождали в пространстве тенистом.

Вот, и не стало ни Солнца, ни светоча.
Чахлый фонарь над аптекой погашен.
Ужасом полнится всякая клеточка.
Вихри враждебные – в горнице нашей.

Вдруг, между тучами, - чу – очертание, -
Это ль соринка в очах полузрячих? –
Истина – распята в лунном сиянии
В немощи, стоне, в молитвах горячих.

У РУИН ХЕРСОНЕСА

Жилища людские – из камня ли, дерева,
Стопы отпечаток на пляже морском, -
Им несколько разное время отмерено, -
Струится оно между пальцев песком.

Руины унылые древнего капища,
Руины великие Божьих церквей, -
Ступаю меж ними, живыми вчера ещё
И ангелы плачут меж стылых камней.

Лишь память одна о минувшем, увечная,
Стенает и корчится, еле жива,
Лишь тёплая память, прильнув к без – конечному,
Сплетает восторженные кружева,

Сплетает причудливо боль – и прощение
Красивыми нитями смыслов и слов,
Но не к оправданию, не к научению,
А в благо – приятный обильный улов.

Где значимо – лишь утверждённое на небе,
Возвышенному сопричастное здесь.
И что обличённому – лучшее алиби,
Чем зеркало небу – безвестная весь.

Не камни избитые – тропы истёртые...
Ты где же, величественный Херсонес!
На мрамор базилики – отсветы тёплые:
Имеющий вежды, ты хочешь чудес?

ДА НЕБУДЕТ...

Кровью напитаны белые скалы
И розовеют на чахлой заре.
Лиха какого тут чутко искали
Зайчики солнечные в феврале.

Зелени, радости нет и в помине.
Ветви акаций едва отличишь
От обезглавленных скорченных линий
В небе обветренном. Смотришь. Молчишь.

Стылой хворобою море напитано.
Чайки невеселы, к берегу льнут.
Горе какое ещё не испытано
Этой землёю, что нашей зовут.

Наша! Урра!.. и ни эха свободного
От притаившихся гулких долин, -
Там перегнившие кости неплодные.
Души истлевшие – ветры вершин.

Что посочувствует? Горнему – горюшко.
Уж не до песен в останках ночи.
Кличут Владимира Ясное Солнышко...
Некогда был вдохновенным почин.

Сколько воды утекло? – больше – кровушки, -
И ненасытен, и глуп известняк.
Холмы военные пили до донушка
Жалость из неба.... иначе – никак...